

День, 1889, 6 апреля № 306

фельетон

Журнальное обозрение

Мас. № 1352

Въ той же книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» помѣщена драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Чехова — «Ивановъ», названная такъ по фамиліи главнаго дѣйствующаго лица. Въ чтеніи она оставляетъ по себѣ блѣдное впечатлѣніе, а въ исполненіи, на сценѣ московскаго Коршевскаго театра не имѣла никакого успѣха.

Содержаніе заключается въ томъ, что землевладѣлец Ивановъ женился, по любви, на еврейкѣ, которая для этого окрестилась и оставила богатыхъ родителей; сначала они жили хорошо, но потомъ Ивановынъ овладѣла апатія, онъ охладѣлъ къ женѣ

и хозяйству, которое и пошло все прахомъ. Жена схватила чаютку и тастъ какъ свѣча... Въ Иванова влюбилась дѣвушка — Саша, — дочь предсѣдателя земской управы, — сама объявилась помѣщику въ любви, желая спасти его, чѣмъ-ни-будь встряхнуть и вывести изъ подавленнаго состоянія.

На удивленіе Иванова, почему Саша не полюбитъ здороваго и сильнаго человѣка, дѣвушка отвѣчаетъ, что ей болѣе нравится *любовь дѣятельная*, ибо женщина живетъ чувствомъ.

— Я люблю тебя, и мечтаю какъ излечу тебя отъ тоски, какъ пойду съ тобой на край свѣта, — говорить она.

На ихъ объясненіе въ любви наткнулась Сарра (жена Иванова) и упала въ обморокъ. Этотъ фактъ въ связи съ подстрекательствомъ доктора Львова, который лечилъ Сарру, подготовилъ вспышку молодой женщины. По утру она явилась въ кабинетъ къ мужу и наговорила ему много оскорбительнаго, обвинивъ, между прочимъ, въ корыстолюбіи.

— Не удалось тебѣ сорвать приданаго съ моихъ родителей, такъ ты вздумалъ уморить меня и жениться на другой богатой невѣстѣ...

Мужъ вышелъ изъ себя.

— Сарра, замолчи, уйди, а то у меня съ языка сорвется слово!.. Меня такъ и подмываетъ сказать тебѣ что-нибудь ужасное, оскорбительное... (кряхтитъ): Замолчи, жидовка!

Жена. Не замолчу... слишкомъ долго ты обманываешь меня, чтобы я могла молчать.

Мужъ. Такъ ты не замолчишь? (борется съ собой). Ради Бога.

Жена. Теперь иди, обманывай Лебедеву.

Мужь. Такъ знай же, что ты... скоро умрешь... Мнѣ докторъ сказывалъ, что ты скоро умрешь.

Жена. (садится, упавшимъ голосомъ) Когда онъ сказывалъ?

Мужь. (хватая себя за голову) Какъ я виноватъ!.. Боже, какъ я виноватъ! (Рыдаетъ).

Занавѣсъ.

Мы нарочно выписали этотъ конецъ 3-го дѣйствія, ибо онъ намъ кажется неестественнымъ по безчеловѣчію Иванова, къ умирающей женѣ; вездѣ Ивановъ охарактеризованъ авторомъ порядочнымъ человекомъ, а тутъ является вѣрнемъ или негодяемъ; вѣдь долженъ же былъ онъ понять аффектъ жены, вызванный его поведеніемъ... Нѣтъ, онъ не обратилъ вниманія, и не захотѣлъ снести справедливаго гнѣва умирающей женщины, и отомстилъ ей нивко и подло. Последнее по пьесѣ является неподготовленнымъ и рѣжетъ ухо своимъ диссонансомъ... Саша представлена хорошо, но легкомысленною дѣвушкой. По смерти Сарры она собралась выходить замужъ за Иванова, но онъ передъ вѣнчаніемъ уговариваетъ ее отказаться отъ своей затѣи. Нервное разстройство его достигло высшей степени напряженія, и онъ не хочетъ связывать съ собою молодую жизнь.

— Вѣдь я на всѣхъ нагоняю тоску, къ кому приближаюсь, говоритъ онъ ей:—и на тебя нагоню.. Посмотри, на что сталъ похожъ твой отецъ? Я совершенно сбиль его съ толку, вселивъ подозрительность... онъ даже улыбаться разучился...

Происхожденіе своего удрученнаго состоянія Ивановъ объясняетъ нервнымъ и физическимъ переутомленіемъ.

— До 30 лѣтъ я здорово работалъ,

говорить онъ: — тутъ и гимназія, и университетъ, и рациональное хозяйство, школы, проекты, рисковалъ, горячился, бросалъ деньги на право и на лѣво, былъ счастливъ и страдалъ какъ никто въ уѣздѣ, ну — и зарвался... Былъ у меня рабочій, который хотѣлъ похвастаться передъ дѣвками своей силой во время молотбы. Взяли себѣ на спину 2 мѣшка ржи, — и надорвался... хребетъ треснулъ и парень умеръ. Вотъ, мнѣ кажется, что и у меня хруснулъ тотъ же хребетъ...

Но Саша настаивала на своемъ и онъ готовился уже было ѣхать въ церковь; но тутъ вдругъ является докторъ Львовъ, — ходульная честность — (онъ лечилъ Сарру и преслѣдовалъ Иванова на подобіе тѣни отца Гамлета), наноситъ жениху публичное оскорбленіе, назвавъ его негодяемъ. Это служить какъ бы ударомъ хлыста для Иванова, умственные очи его проясняются, онъ видитъ свое паденіе; не долго думая, вынимаетъ изъ кармана револьверъ и стрѣляется у всѣхъ на глазахъ.

Такова личность Иванова. Вопросъ остается въ томъ, на сколько онъ является типичнымъ представителемъ современнаго поколѣнія. Толстой и между прочимъ Надсонъ дали намъ характеристику слабосильнаго, мятущагося, обуреваемого сомнѣніями современнаго нервнаго челевѣка рано вовсе навѣрившагося и уставшаго душой... Но самое это утомленіе жизнью демонстрировано на челевѣкѣ нормальномъ. Чеховскійже Ивановъ — психопатъ, его утомленіе жизнью вызвало какія-то патологическія измѣненія, вслѣдствіе чего пониманіе его становится недоступнымъ нормальному челевѣку. Это или выдумка

3

автора, или явление, хотя и подмѣ-
ченное въ жизни, но недостаточно
наблюденное и не обобщенное, а по-
тому и производить впечатлѣніе чего-
то единичнаго, исключительнаго, ка-
кими бываютъ рѣдкія формы болѣз-
ней, не подведенныхъ ни подъ какой
медицинскій шаблонъ при классифи-
каціи. Все это лишило Иванова не-
обходимой выпуклости, и впечатлѣ-
ніе производимое имъ—разплывчатое
и неопредѣленное, не смотря на то,
что авторъ приложилъ много труда
и тщательности въ обрисовкѣ этой
фигуры, которою занимался съ ви-
димую любовью.

* *

Въ заключеніе—два слова о стихо-
твореніяхъ гг. Сѣверова и Ладыжен-
скаго.

У перваго читаемъ:
Вспыхнувъ, (отъ вари) оверо раски-
нулось

И замлѣло чуть дыша...
(значитъ пока оверо не вспыхнуло,
такъ оно и не раскинулось, и уже
только отразивъ въ себѣ варию взило
да и раскинулось... гдѣ же оно было
до вари?)

У г. Ладыженскаго находимъ:
Земля засыпаетъ дремотой объята...
(Дремота предшествуетъ сну, а не
обратно). А между тѣмъ оба стихо-
творенія не дурны по мысли и грѣ-
шатъ только неотдѣланностію. Уди-
вительно, что редакція толстаго жур-
нала такъ невзыскательна къ формѣ,
тѣмъ болѣе, что длина обоихъ стихо-
твореній въ совокупности не превы-
шаетъ двухъ вершковъ. Отъ такихъ
вещицъ съ «куринный носокъ» должно
требовать ювелирной обработки, лишь
тогда онѣ и имѣютъ значеніе.